

ВОЛЬТЕРОВСКАЯ «ИСТОРИЯ КАРЛА XII»

Вольтер, живя в Англии (1726—1729 гг.), начал собирать материалы о Карле XII. Вернувшись во Францию, он написал книгу о шведском короле. Что привлекло его в этой фигуре? Вольтер-просветитель обращался к читателю с новыми политическими идеями. Как художник он вкладывал их в художественные образы. В театре он заставлял зрителей проникаться симпатией к республиканцу Бруту и думать об идеях свободы; поэмой о Генрихе IV возбуждал ненависть к религиозному фанатизму католической церкви; историей же о безумце-короле, принесшем столько бед и Европе и своей родине и искалечившем свою жизнь, указывал на вредоносность деспотизма.

В «Истории Карла XII», вышедшей в свет в 1731 г., Вольтер обошелся без сверхъестественного элемента и всевозможных чудес, которые привлекали многих тогдашних авторов, а заключил свою книгу полным умом и юмором послесловием, в котором призывал читателей «научиться недоверию» к стародавним историческим сочинениям. «Сколько нелепостей, сколько сказок, шокирующих здравый смысл, так не верьте же им!» Он изгонял из истории подобию страсти перед королями, опускал мелочи дворцового быта, которые заслоняли собой жизнь народа. С известной осторожностью относился Вольтер к официальным документам — правительственным манифестам, воззваниям, рескриптам, которые отнюдь не всегда отражали подлинное положение дел.

Вольтер использовал каждую встречу с людьми, стоявшими когда-то в центре описываемых событий или вступающими в тот или иной контакт с героем его книги, — с польским королем Станиславом Лещинским, со вдовой герцога Мальборо, с адъютантом Карла XII Секьером, с лордом Болингброком. Вольтер изучил также записи шведского офицера Густава Адлерфельда о баталиях Карла XII. И в результате перед ним довольно ясно вырисовалась фигура шведского короля, повествование о котором под пером Вольтера превратилось в историческое исследование «История Карла XII» — научный труд и вместе с тем великолепную художественную повесть. Книга читалась современниками с особым вниманием, у старшего поколения еще были свежи в памяти описываемые события. Но и позднее интерес к ней не ослабевал. Ее читали Пушкин и Байрон, и ее следы мы найдем в шедеврах поэзии — «Полтаве» Пушкина и «Мазепе» Байрона. Раскроем же «Историю Карла XII».

Суровый край. Крепкие, мужественные люди. Непреклонен и деспотичен шведский король Карл XI. Он деспотичен даже у себя дома, с сыном и женой. Когда королева однажды попыталась вступить за кого-то из подданных, он резко оборвал ее: «Сударыня, мы брали вас затем, чтобы вы давали нам детей, а не советы». А потом возненавидел ее и постепенно вогнал в гроб. Его сын, будущий Карл XII, рос с сознанием, что

воля короля — превыше всего; что государство и его подданные после смерти отца всецело будут принадлежать ему, его наследнику. И еще мальчиком он научился не считаться ни с мнением своих приближенных, ни с их присутствием. Только лицо королевской крови, будь то современник или персонаж из истории, могло иметь для него какое-то значение. Он был упрям. Латынь показалась ему несносной, и он сначала отказался изучать ее, но, узнав, что польский и датский короли владеют ею, приложил все усилия к тому, чтобы усвоить умерший язык, и вскоре блестяще овладел им. Он был самолюбив и с детства пожираем жадной славы. Прочитав «Историю Александра Великого» древнеримского ритора Квинта Курция Руфа, Карл XII заявил: «Я буду таким же!» «Но он жил только 33 года», — ответили ему. «А разве этого мало для завоевателя стольких царств?» Об этом разговоре узнал король. Он возликовал: «Мальчик, кажется, будет стоять больше меня». И наследника престола продолжали воспитывать в том же духе. Увидев однажды библейскую надпись «Бог дал, бог взял», принц перечеркнул ее и написал другую: «Бог дал, и сам дьявол у меня не отнимет».

Король умер, когда Карлу было 15 лет. Временно править стала его бабка Ядвига-Элеонора Гольштейнская. Однажды на смотре войск мальчик заявил: «Я, кажется, уже могу командовать этими людьми. Доколе же мы будем слушать приказы бабы?» Государственный советник Пипер понял, чего ждут от него. Регентша была отстранена, а в 1697 г. Карла XII короновали. На церемонии коронации он дал свое первое «представление»: вырвав из рук архиепископа корону, сам надел ее себе на голову, дерзко озираясь вокруг. Присутствующие по-разному истолковали этот жест: одни увидели в нем лишь шалость своевольного юнца, другие — волевой акт смельчака, третьи, более дальновидные, — повадки тирана.

Вскоре начались приготовления к первому военному походу. Еще раньше Швеция захватила некоторые области Дании, Польши, России, Бранденбурга (Пруссии). Стремление возратить захваченные Швецией земли способствовало заключению союза четырех государств — России, Дании, Бранденбурга и Польши, направленного против Швеции. Союз этот должен был ослабить силу грозного соперника. Карл XII решил доказать, что он может удержать за собой эти территории и добиться новых. 8 мая 1700 г. жители Стокгольма провожали короля в дальний

поход. В воображении самовлюбленного Карла витали образы Александра Македонского и Юлия Цезаря. Он готов был пролить кровь своих солдат и превратить в пепел все города и села мира, чтобы уподобиться этим знаменитым завоевателям, и упрямо шел к намеченной цели. Домом его стала походная палатка, одеждой — солдатский мундир из голубого сукна, обувью — высокие сапоги, не снимая которых, он часто засыпал на походной кровати или прямо на земле. Ни осеннее ненастье, ни зимняя стужа, ни жара — ничто не останавливало его. Он отказался от обычных радостей и наслаждений. Он не пил вина, не читал книг, не увлекался ни одним видом искусства и, так как не считал окружающих достойными доверительных бесед, почти ни с кем не говорил. Отдавал только приказы. В конце концов он просто одичал. Понял это и еще более замкнулся в себе, теперь уже из чувства стыда, боясь обнародовать перед другими свою неловкую речь и солдатские манеры.

Его безбородое, женственно округлое лицо с большими синими глазами, пухлым ртом и тонко очерченными бровями, в сущности довольно красивое, приобрело отталкивающее выражение высокомерия и наглой дерзости. Он часто смеялся, но его смех, резкий и презрительный, никого не веселил. На королевских обедах царило гробовое молчание. Карл был смел, храбр до мальчишеского озорства. Робел он, как сообщает Вольтер, только перед женщинами. Красавица Кёнингсмарк тщетно пыталась добиться у него аудиенции, часто появлялась в тех местах, где король имел обыкновение прогуливаться. Однажды их встреча состоялась. Графиня, улыбаясь, вышла из кареты. Карл поклонился ей, но, не сказав ни слова, повернул свою лошадь и ускакал прочь.

Военные дела Карла XII поначалу шли хорошо. Дания вынуждена была капитулировать и вышла из войны. Под Нарвой потерпела поражение русская армия. Шведский король, решив, что Россия надолго выведена из строя, перестал считать ее войска сколько-нибудь стоящими внимания. Это заблуждение стало для него роковым. Он направил свои силы против Польши. Шведам удалось занять Варшаву и Краков. Карл XII купался в лучах славы и всеми силами стремился к ней. Каждый его шаг, каждый жест, каждый каприз были рассчитаны на то, чтобы быть внесенными в анналы мировой истории. Тем временем в Польше чинились повсеместные грабежи и насилия, лилась кровь, рушились дома, без

крова оставались тысячи несчастных, пустели поля. Шведы грубо вмешивались во внутренние дела Польского государства. Карл упивался такой войной. Однажды, каприза ради, он помчался один, без войск и свиты, в Дрезден, где в то время жил смещенный им польский король Август. Тот принял его так, как принимают нежеланного, но опасного гостя. Беседы не получалось. Гость говорил о своих грязных солдатских сапогах, ибо он давно их не снимал. Август же делал вид, что разговор о сапогах его очень занимает. В лагере Карла были обеспокоены его исчезновением. Но он появился так же неожиданно, как и исчез. «Как вы решили? Одни... в стане врага? Вас могли бы...» «Не посмели бы!» — прервал Карл.

Шли годы. Ни одного дня не проходило без выстрела, стычек и кровопролития. Шведский офицер Адлерфельд бесстрастно и точно заносил в свой военный дневник события каждых суток. «Если вы станете читать записи г-на Адлерфельда, то не найдете в них ничего, кроме того, что: в понедельник — столько-то тысяч убито на таком-то поле; во вторник целые деревни превращены в пепел, женщины с детьми на руках сгорели в пламени; в среду тысячи бомб обрушились на дома свободного, ни в чем не повинного города, который не смог собрать сто тысяч эку для победителя, проходившего мимо его стен; в четверг пятнадцать или шестнадцать сотен пленным погибли от холода и голода. Таков примерно сюжет четырех томов»¹, — писал Вольтер маршалу М. И. Шуленбургу, у которого запрашивал дополнительные сведения для своей книги. Воссоздав очередную картину из жизни шведского короля, он неизменно бросал взгляд в сторону России. Вольтер интересовался деятельностью русского царя. Позднее (1759—1763 гг.) он напишет двухтомную «Историю Российской империи при Петре Великом». Петр I быстро набирался знаний сам, учил своих подданных, приглашал в Россию ученых и мастеров, строил флот и город на Неве, изучал ремесла и искусства, и постепенно преобразовывалась огромная страна. «Шведы долго еще будут нас бить, но в конце концов они сами научат нас их же побеждать» — так оценивал обстановку Петр I. И вот отвоевана у шведов Восточная Прибалтика, взяты Ниеншанц и Нарва.

В шведский лагерь под Альтранштадтом прибыл осенью 1706 г. Джон Черчилль (герцог Мальборо), военачальник, ловкий дип-

ломат, хитрый политик, о котором французы сложили известную песенку про Мальбука, собравшегося в поход. Он предпринял этот вояж с целью разведать намерения Карла XII. Англия, которая в то время воевала с Францией за «испанское наследство», наблюдая за успехами Карла XII, боялась сближения шведов с французами. Как-то Мальборо увидел на одном из столов в ставке короля карту России. Будто ненароком он упомянул Петра I. Глаза Карла загорелись недобрым огнем. Лукавый герцог начал «простоудшно» хвалить русского царя, распаяя ненависть шведа и терзая его самолюбие. В ходе разговора английский царедворец уяснил, что Англия пока ничто не угрожает: войска Карла XII еще долго будут заняты войной в России.

По имевшим хождение слухам, перед отъездом Мальборо дал крупную взятку шведскому канцлеру Пиперу, чтобы тот не сдерживал воинственного пыла своего государя, направленного в сторону Москвы и Петербурга. Вольтер отвергает этот слух. Впрочем, Петр I тоже слышал об этом, и Пипер, попавший под Полтавой в плен, впоследствии не был опущен на родину и умер в России. В конце августа 1707 г. шведская армия через территорию Польши направилась к русским границам. Вольтер отмечает, что Петр I предложил Карлу XII переговоры, но тот ответил: «Об этом мы поговорим в Москве». Петр улыбнулся, когда ему привезли надменный ответ. «Мой брат Карл персону свою ставит не ниже Александра, но лышу себя надеждой, что во мне он никогда не найдет Дария», — сказал царь.

И вот армия Карла XII — на Украине. Свершилось предательство Мазепы. На страницах книги Вольтера промелькнул самолюбивый и мстительный гетман, прошедший свою молодость весьма бурно. Страницы «Истории Карла XII», посвященные боям в России, полны драматизма. Еще до Полтавской битвы в одном из сражений Петр приказывал стрелять в трусов: «Стреляйте и в меня, если побегу!» 27 июня (8 июля) 1709 г. произошла знаменитая битва под Полтавой. «Царь русский в центре своей армии. У него лишь чин генерал-майора, и он подчинен генералу Шереметеву, но он — император, он объезжает полки на своем турецком коне, подаренном ему султаном, ободряет солдат и капитанов, каждому обещает награду». А вот другой лагерь. Здесь шведы, раненный в ногу Карл. «Первые залпы русских подбили двух лошадей с носилками Карла. Он велел запрячь других. Следующий залп раз-

¹ Voltaire. Oeuvres complètes. T. IV. P. 1858, p. 438.

бил носилки и сбросил короля наземь. Шведы смешались, неприятельский огонь усилился, первая линия потеснила вторую, вторая побежала. Передовые части русских, состоявшие только из десяти тысяч пехотинцев, разбили всю шведскую армию. Как изменились времена!» Вольтер рассказывает далее о пире Петра на поле боя после победы; о кубке, который он поднял в честь своих учителей — пленных шведских генералов, сидевших с ним за одним столом. «Подняв бокал, он крикнул: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Ренскольд спросил у него, кого он удостоивает таким прекрасным титулом. «Вас, господа шведские генералы», — ответил царь. «Тогда, ваше величество, вы проявляете большую неблагодарность, обходясь так дурно со своими учителями...» Петр приказал возвратить шведским генералам и офицерам шпаги. «Он обращался с ними, как государь, который хочет преподать своим подданным урок вежливости и великодушия».

Любуется Вольтер Петром, но сердце его не приемлет жестокости, хотя бы и объясняемой обстановкою, условиями. Философ заключил картину пира Петра многозначительной фразой: «Но этот государь, который обошелся так хорошо со шведскими генералами, приказал колесовать всех казаков, попавших в его руки». Вольтер противопоставляет Петра Карлу не только при описании Полтавской битвы, а и в широком историческом и политическом плане. Первый — созидатель, второй — разрушитель. «Карл имел титул непобедимого. Мгновение отняло его. Народы дали Петру Алексеичу имя Великого. Потерпев поражение, он все равно не утратил бы этого имени, ибо заслужил его не за военные победы».

История правления Карла не кончается в книге полтавским разгромом. Вольтер следует за ним в Турцию, описывая каждый его шаг, тщательно освещает все его дела. Вот он в Бендерах, злой и нетерпимый, с ненавистью к Петру, с жадной мести, с надеждой столкнуть Турцию с Россией... Идут годы. Карл валяется на кровати, вперив глаза в потолок и не зная, чем себя занять. На мгновение вспыхивает новая надежда. Неудачный Прутский поход Петра в 1711 г. как будто обещает долгожданное мщение. Вот вот, кажется, турки дадут шведскому королю свои войска. Но султан убоялся и предпочел мир. И снова в королевской голове — пустота и мучительное бездействие.

Турки начинают тяготиться гостем. Его пребывание и накладно, и хлопотно. Чуже-

земец затевает склоки, жалуется на визирей. Ему намекают, что короли должны жить у себя дома. Он не желает понять. Ему говорят более откровенно. Тогда он просит денег. Ему дают сумму вдвое больше просямой, но, взяв деньги, Карл все-таки остается. Его хотят принудить силой покинуть страну. Король запирается со своим маленьким отрядом в доме. Дом осаждают и поджигают. Осажденные отстреливаются, ведя бой по всем правилам военного искусства. Результаты плачевны: друзья короля, согласившиеся разделить с ним его судьбу, либо убиты, либо проданы в рабство. Карла XII, как непроказившего мальчишку, тащат в визирю. Король улыбается: для него это забава. И его оставляют в покое, предоставив ему мизерное содержание. И снова безделье. Так прошли годы. Вернуться на родину? Нет, разве может он возвратиться с позором, он, мечтавший о славе Александра Македонского и Цезаря? Только через пять лет Карл не выдержал. Быстры сборы, скор и отъезд. Днем и ночью инкогнито мчится Карл XII через Германию на север.

Ничего хорошего не принесло Швеции его возвращение. Впрочем, Карл XII не пожелал вернуться в Стокгольм: он мог бы это сделать, только с лаврами героя. Хотя страна истощена, предпринимаются новые поборы и вводятся новые налоги. В деревнях остались лишь старики и дети. Швеции теперь бы только обороняться, а Карл задумал завоевательный поход в Норвегию. Ропщут шведы, но пока не смеют перечить королю. Они помнят ответ Карла, когда сенат вздумал посетовать на его долгое отсутствие: «Вам нужен король? Так вот вам представитель — мой сапог. Пусть он председательствует в сенате». И он послал в сенат свой сапог.

В Норвегии во время подготовки к осаде одной из крепостей декабрьским вечером 1718 г. Карл XII вышел осматривать траншеи. Он был недоволен ходом дела и выговаривал французскому инженеру Мегре. Неожиданно неприятельская пушка выстрелила картечью. Король был ранен в правый висок и упал замертво. Лицо его было обезображено, левый глаз запал в глубь черепа, правый выскочил наружу. Мегре, человек «своеобразный и бесстрастный», как пишет Вольтер, так оценил внезапное событие: «Пьеса окончена, господа, пойдемте ужинать...» Швеция облегченно вздохнула. Через некоторое время были заключены мирные договоры с противниками и ценою тяжелых потерь для шведов Северная война приведена к концу. Пушкин указал на те

же черты характера Карла XII, что и Вольтер. Он осудил «воинственного бродягу», ослепленного «беглым счастьем побед»:

Он мальчик бойкий и отважный;
 Два, три сраженья разыграть,
 Конечно, может он с успехом.
 К врагу на ужин прискакать,
 Ответствовать на бомбу смехом...
 Как полк, вертеться он судьбу
 Принудить хочет барабаном;
 Он слеп, упрям, нетерпелив,
 И легкомыслен, и кичлив.
 Бог весть какому счастью верит;
 Он силы новые врага
 Успехом прошлым только мерит...

Вольтер отнюдь не идеализировал Петра. Но ему важно было противопоставить «созидателя» Петра «разрушителю» Карлу. В письме к маршалу Шуденбургу Вольтер писал: «Я желал бы для блага людей, чтобы Петр Великий иногда был менее жесток». Вместе с тем, когда король прусский Фрид-

рих II (в его кабинете в Сан-Суси стоял бюст Карла XII) сообщал Вольтеру о якобы известных ему, по рассказам очевидцев, фактах исключительной жестокости Петра, тот отвечал ему призывом к «пирронизму в истории», иначе говоря, к умению критически относиться к рассказам очевидцев. Теория просвещенного абсолютизма была выдвинута Вольтером лишь как реальный паллиатив, как меньшее из возможных зол². Личность Карла XII никогда, возможно, не привлекла бы внимания Вольтера, и он не стал бы без особой нужды ворошить старые архивы, восстанавливая в памяти людей картины народных бедствий, ужасов войны и преступлений. Но шведский король ему был нужен как наглядный исторический урок.

С. Д. Артамонов

² См. С. Д. Артамонов. Вольтер «Смерть Цезаря». (Политические идеи Ренессанса и Просвещения). «Писатель и жизнь». Вып. VI. М. 1971.